

Бывало он вспоминал тот день.

По крайней мере, он запомнил его именно таким.

Всё произошло так быстро. Так тихо. Иногда ему казалось, что тех событий и вовсе не было. Что ему привиделся тот день.

Это произошло во время экскурсии.

В этом он был точно уверен.

Хотя задиры в тот день и не думали отставать от него, он был в приподнятом настроении. Не шанс посетить Оскорп так воодушевил его тогда. Он был рад просто провести время вдали от классной парты.

От школы.

От всего на свете.

Он решил задержаться в конце стайки своих одноклассников. Не хотел привлекать внимание. Ему нравилось просто ходить за группой, пока они блуждали по помещению. Он подумывал о карьере в месте, подобном этому. Химия, как и все школьные предметы, давались ему легко. "Биохимия не должна быть такой уж сложной", - думал он. Он столько прочитал наперёд, что и сам мог бы преподавать, может даже лучше чем его учителя.

Пыткой было не уснуть на уроках. Он уже сделал все задания на тот год и просто отсчитывал дни до заветного выпускного. Он вполне мог перепрыгнуть годок или даже два. Тогда хулиганы точно отстали бы от него. Но колледж вряд ли чем-то лучше в этом плане. Наверняка ему перепало бы там за его молодое лицо.

Игра не стоила свеч.

Таковы были его мысли в тот день. Он невзначай потерялся в них. Тогда это и случилось.

Паук.

В тот момент он не обратил на него внимания, но сейчас вполне мог представить, как тот спустился на своей паутинке.

Медленно и скрытно, несмотря на своё красно синие брюшко.

Кто-то мог и заметить его. Должен был.

Он готов был поклясться, что в своей голове мог отчётливо представить синий и красный мазок, спускающий на белой нити.

Но он не заметил.

Никто не заметил, как тот упал на девушку, стоящую рядом с ним.

Он не помнил как её зовут. По правде говоря, его мало волновали имена всех его одноклассников. Он мог вспомнить разве что своих задир, да и их он постарался запомнить лишь для того, чтобы припомнить им всё в будущем.

Но девушке, которую он мало знал, не повезло стоять рядом с ним в тот день.

Паук – тот самый паук – приземлился прямо на неё.

Она вздрогнула и тем самым, наверное, испугала его, а он сделал то, что свойственно в таком случае всем паукам.

Она закричала, когда он укусил её, размахнулась рукой и попыталась ударить себя по шее. Неуклюже и бездумно, запаниковав тогда то ли от укуса, то ли от неприятного ощущения маленьких лапок паука, извивающегося под её пальцами. Мгновение... и вот оступившись, она уже летит прямо на него.

Именно в этот момент всё пошло наперекосяк.

Момент, что решил всю его судьбу.

Сначала она запуталась в своих ногах. А потом в его, и они оба полетели вниз, больно ударившись друг об друга а затем и об пол.

Какая-то часть его была бы в восторге от одного лишь прикосновения к женской форме жизни, тем более к такой симпатичной, но в тот момент он был слишком занят паникой, охватившей его, и неприятными ощущениями от их общего падения.

Эта часть его задумалась в тот момент, - Вот, что значит сразить наповал? Это явно не по мне.

Какая-то другая, меньшая его часть, впрочем, была уверена, что вся эта неприглядная ситуация была каким-то образом подстроена его обидчиками. Они бы не прочь так унижить его. Каким бы невероятным это ни казалось его рациональному уму, он почему-то подумал, что

девушка была заодно с ними, подкуплена возможностью пообщаться с крутыми ребятами в обмен на его унижение.

Маловероятно. Нелогично.

Но в поведении его задир всегда отсутствовала логика.

Но это меньшая часть его была разгневана в тот момент, пылала от злости. Огонь в его душе смешался с негодованием и злобой во что-то новое. Во что-то неожиданное.

Оно потянулось и схватило.

Девушка ахнула. То, что только начало зарождаться в ней, было внезапно вырвано с корнем.

И осело в нём самом.

Они оба закричали.

Питер проснулся резко, за долю секунды выпрямившись по широкой дуге из полностью горизонтального положения в полностью вертикальное.

Он больно стиснул зубы, чтобы не дать крику вырваться из мира снов в мир яви. Мышцы его шеи натянулись как канаты, заглушая голос в глотке, до того, пока он не почувствовал, что полностью затихает. Он не хотел привлекать внимания. А то ещё вызовут полицию. Не то чтобы это имело смысл в данной части города, где время реагирования любых структур измерялось днями.

Картонные коробки, что до его безумного пробуждения укрывали его, разлетелись по сторонам. "Да уж", - раздражённо нахмурился он, - "ну, что за непруха, а?"

Питеру только удалось придать им ту самую форму, чтобы они как следует укрывали его, но при этом не чувствовались слишком жёсткими на холодном зимнем воздухе.

А было очень холодно. От одного его дыхания поднимался небольшой туман. Он чувствовал холод, но тот не сильно его беспокоил и никоим образом не мог навредить ему. Одна из тех особенностей, что проявилась в нём после того злополучного инцидента: ему мало что могло нанести вред с пробуждённой силой. Питер перепробовал много чего, и то, что могло ранить его, как правило, быстро заживало.

"Держу пари, всё заживало бы ещё быстрее, если бы я только..."

Питер вздрогнул, прогоняя мысль к чёрту. Не то, о чём ему хотелось бы задумываться столь ранним утром в грязном, промёрзшем переулке.

Или в любое другое время, что уж говорить.

Питер вытер лицо перчаткой, позволяя грубой, колючей шерсти царапать кожу, прогоняя накопившуюся усталость. По правде говоря, ему не требовался сон так, как раньше. Точнее, он мог бы отказаться от него полностью и на достаточно длительное время, но в конце концов он бы всё равно устал.

Особенно сейчас, когда он питался так скудно.

Но главная проблема заключалась в скуке. Что хорошего в том, чтобы бодрствовать целую неделю, если он не мог занять себя чем-то ночью? Он не мог даже зайти в бар: возраст не позволял. А когда он пробовал ошиваться в круглосуточных магазинах, продавцы быстро давали понять ему, что там ему не рады. Библиотеки же были закрыты в столь поздний час.

Дремать в переулке казалось ему лучшим способом времяпровождения. Точно лучше, чем бесконечно бродить по улицам Манхэттена до рассвета. Ему не было нигде места, так что эта часть Нью-Йорка была для него ничем не хуже любой другой.

По крайней мере, он всё ещё оставался в Нью-Йорке. "А вот в Джерси просиживать штаны я точно не собираюсь, на один мост слишком далеко."

На один мост Джорджа Вашингтона.

Прим. пер.: Джерси - это Нью-Джерси - штат на северо-востоке США. Мост Джорджа Вашингтона - мост через реку Гудзон, соединяющий северную часть острова Манхэттен в городе Нью-Йорк и Форт-Ли в штате Нью-Джерси.

Он заставил себя усмехнуться этой маленькой шутке.

В эти дни мало над чем можно было посмеяться. Он старался не падать духом.

Он должен был.

Какое-то странное покалывание в затылке заставило его чувства обостриться, и он наконец обратил внимание на то, что именно пробудило его ото сна.

Его разбудил не просто плохой сон.

У силы, которая отгоняла холод и делала его сильным, были и другие особенности. Он не хотел о них вспоминать, но они были часть одного целого. Одна из особенностей заключалась в особом чувстве. Не совсем обнаружение жизни как таковой, а скорее чутьё хищника, позволяющее ему чувствовать добычу (за неимением лучшего термина) рядом с ним.

Он также мог чувствовать хищников на него самого.

Прямо как сейчас.

Кто-то наблюдал за ним. Он чувствовал на себе его взгляд, хотя никого и не видел.

Питер сделал глубокий вдох, позволяя силе обострить его чувства. Кроме запаха переулка и колючего, холодного запаха нью-йоркской зимы, он мало что мог учуять. Но какой-то ещё, особенный, чувствовался поблизости. Затхлый и едкий. Немытое тело, но не из тех, что провели всю ночь на холоде.

Пахло сыростью. Запах из более тёплого и влажного места, чем грязный переулок в верхнем Манхэттене.

Он посмотрел в сторону входа в переулок. Мысли в его голове метались всё с большей скоростью. Покалывание в затылке переросло в настоящий зуд. Сам переулок заканчивался тупиком, и любой другой на его месте оказался бы в ловушке.

Но у него были свои методы.

Питер крикнул: "Кто там?", ругнувшись про себя, когда его голос сорвался, а и без того румяная кожа приобрела ещё более яркий оттенок красного.

Вот вам и попытка запугать.

Половое созревание было униительно жестоким.

Поднятая вверх рука, затянута в рваную чёрную перчатку, появилась у входа в переулок.

"Друг!" - ответил хриплый, но певучий голос, - "Калибан - друг!"

"Вот как." - ответ Питера был сух и прям, но прозванный Калибаном, видимо, воспринял его в позитивном ключе.

"Да, вот как!" - с нервными нотками в голосе сказал Калибан, зайдя в переулок. У него была высокая, нескладная фигура, закутанная в несколько слоёв одежды для защиты от холода. На нём ясно выделялся аляповато фиолетовый пиджак и такие же брюки с сильно порванными и обтрёпанными манжетами. Его обувью были вишнёво-красные ботинки, которые, в отличие от остальной его одежды, были начищены до блеска. За ними явно регулярно ухаживали. На нём была некрасивая шапочка с неуместно большим помпоном на макушке, закрывающая уши и низко надвинутая на голову. Чёрный шарф, обмотанного вокруг его шеи, в дополнении ко всему его наряду, окончательно прикрывал всё его тело, за исключением узкой полоски кожи в районе глаз, но этого было достаточно, чтобы Питер заметил, что в них есть что-то странное.

Глаза Калибана были выпуклыми, почти гротескно большими по сравнению с остальным его телом. Зрачки были еле видны: крошечные чёрные точки на фоне желтушной склеры. Кожа вокруг глаз была чрезвычайно бледной. Питер никогда не видел такого оттенка - бескровно-белого, словно мел.

"С чего ты решил, что мы друзья?" - спросил Питер. Он не чувствовал больше никого поблизости, и тем страннее было то, что кто-то в такую рань заявляет будто является его другом. Не совсем то, чем занимаются нормальные люди.

"Калибан знает место, где тепло и нет ветра", - сказал Калибан, осторожно подходя к Питеру.

"И сколько стоит это место?" - не скрывая подозрения в своём голосе спросил он.

"Нисколько!" - заявил Калибан, наморщив уголки глаз, словно улыбаясь под своим шарфом, - "Ведь это предложение от друга."

"Ничего не бывает бесплатным."

"Но так и есть!" - продолжал настаивать бледный мужчина, - "Калибан видит тебя своим мысленным взором. Сияющего и подлинного тебя. Ты такой же, как Калибан! Таким, как мы, разрешено туда".

"И чем же мы так похожи с Калибаном?" - в голосе Питера прозвучал сарказм, - "Ты понял, что я еврей? Или левша? Член Менсы? Что из этого?"

Прим. пер.: Менса - крупнейшее и старейшее общество людей с высоким коэффициентом интеллекта; некоммерческая организация, открытая для всех, кто сдал стандартизированные тесты на IQ лучше, чем 98 % населения.

Калибан засмеялся: "Нет, нет. Ты один из нас, поэтому тебе дозволено пройти. Если ты хочешь чего-то большего, то придётся поработать. Укрыться от холода - вот что тебе нужно больше всего сейчас. Или Калибан не прав?"

"Как ты знаешь, что я один из вас?" - сверкнул глазами Питер, - "Кто ты вообще такой?"

Калибан протянул руку к шарфу и стянул его с себя, открывая вид на его лицо. Открытая свету кожа была бледного, бескровного цвета. Носа у него почти не было - лишь крошечный, вздёрнутый холмик, который на другом лице мог показаться даже симпатичным. Черты его лица казались столь измождёнными, что само лицо больше походило на обтянутый почти прозрачной кожей череп с выступающими скулами и квадратной челюстью.

"Мы... одинаковы" - настаивал Калибан.

"Дружище, не уверен, смотрел ли ты в последнее время в зеркало, но мы определённо не похожи", - осторожно ответил Питер. За свою недолгую жизнь он видел много разного. Иногда странного. Данный случай не входил даже в топ пять.

Калибан покачал головой: "Нет, нет. Калибан не слишком в этом хорош." Он надулся на Питера, его измождённое лицо и огромные глаза делали это выражение комичным: "Калибан отличается от других. Ты - тоже. Но именно в этом отличии мы одинаковы!"

Питер уставился на него, всё ещё пытаясь переварить его заявление.

Калибан хлопнул себя по шапке: "Калибан знает, когда люди отличны вроде него. Вроде других. Чувствует их сердцем и разумом. Как тебя!"

Питер нахмурился, обдумывая слова высокого мужчины, прежде чем сложить все воедино: "Ты можешь чувствовать людей, которые отличаются от других".

"Да", - Калибан кивнул, видимо подумав, что ему наконец удалось достучаться до Питера.

Питер сжал кулаки так, что костяшки его пальцев громко хрустнули: "Я уже встречал тех, кто могли находить "особенных" людей." Его голос стал резким и холодным. Даже холоднее, чем ночной воздух: "Мне уже приходилось разбираться с кем-то подобным."

Он позволил немного силы проникнуть в глаза, отчего они засветились красным.

Калибан отступил на шаг, слегка нахмурившись: "Калибан не желает зла. Калибан же уже сказал. Калибан предлагает убежище. Место для таких, как мы."

"Что насчёт остальных?" - Медленно спросил Питер, позволяя силе вернуться к нему, а блеску в глазах угаснуть.

Калибан с энтузиазмом кивнул: "Есть и другие, похожие на Калибана. В безопасном месте. В тёплом месте".

Питер продолжал подозрительно смотреть на него: "Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой."

"Знаешь, большинство людей были бы счастливы, если бы им предложили тёплое местечко с друзьями.", - тяжело выдохнул Калибан.

Питер пожал плечами: "Холод не сильно тревожит меня."

Калибан покачал головой, снова закутываясь в шарф: "Что ж, а Калибан просто замерзает. Следуй за мной, если хочешь." С этими словами измождённый бледный мужчина развернулся на каблуках, завернул за угол и скрылся из виду.

Умом Питер понимал, что лучше оставаться в этом конкретном вонючем переулке. Ощущение, что он - добыча, быстро исчезало, поскольку Калибан уже не обращал на него внимания и, казалось, был больше озабочен тем, как побыстрее добраться до своего "тёплого местечка с друзьями".

Питер понимал, что следовать за этим странным человеком было плохой идеей.

Но он всё равно пошёл вслед за ним, потому что иногда любопытство брало верх над осторожностью, и возможность подвергнуться нападению какой-нибудь чокнутой уличной банды казалась более интересной перспективой, чем ещё несколько часов, проведённых в попытках снова заснуть в снегу.

Питер чуть ли не скользил по заснеженному тротуару, легко догнав мужчину, который за это время успел вытащить из кармана сотовый телефон марки Nokia. Старомодный телефон, больше похожий на кирпич, он мог выдержать любые серьёзные удары и при этом продолжать работать.

В некоторых ситуациях, для серьёзного удара мог бы быть использован и сам телефон. И при этом всё ещё продолжать работать.

Питер приподнял бровь, когда Калибан поднял палец в перчатке в универсальном жесте "подожди", и заговорил в трубку. "Да, Калибан знает, какой сейчас час".

Питер мог услышать голос с другой стороны телефона, слишком неразборчивый из-за небольшого динамика, чтобы он мог его разобрать.

"Калибан не мудака. Это ты мудака", - фыркнул Калибан.

Голос на другом конце провода, казалось, начал выражать только ещё больше недовольства, но Калибан покачал головой и ответил: "Ты всё равно уже проснулся, а до ближайшего входа идти пять миль8 километров".

Калибан закатил глаза, услышав ответ, который Питер не смог разобрать. Движение особенно впечатляющее, учитывая размер его глаз. Его крошечные зрачки были похожи на шарики, катящиеся по огромной пустой комнате: "Да, Калибан обещает, что сегодня больше никуда не выйдет".

Он посмотрел Питеру прямо в глаза и вопросительно наклонил голову. Выступающие над глазами складки сдвинулись под шапочкой, создавая впечатление приподнятых бровей. Самих бровей у него не было.

Питер тяжело вздохнул, закатил глаза и кивнул.

Калибан усмехнулся под шарфом, его глаза сузились, а впалые щеки сдвинулись, придавая ему задорное выражение лица: "Калибан не один."

Голос на другом конце провода прошипел что-то ещё, и Калибан кивнул: "Да. Он примерно в пяти футах (1,5 метра) передо мной."

"Чег..." - Питер уже хотел задать вопрос, но тут раздался звук сорвавшейся, до этого туго натянутой, резинки. Нестройный ЗВОН, пробравший Питера до мозга костей.

Мир качнулся.

Внезапно ему стало тепло, и запах сменился с резкого нью-йоркского на влажный и органический. Земляной, но не такой неприятный. Запах свежевскопанной почвы. В глазах у него помутилось, но он все ещё мог видеть, как Калибан то появляется, то исчезает из виду, улыбаясь ему.

"Добро пожаловать на Аллею."

Через секунду Питер восстановил равновесие и выпрямился. Они оказались в каком-то массивном сером каменном туннеле, стены которого сводились к округлому потолку, теряющимся в темноте над головой. По прикидкам Питера, он был около ста футов (30 метров) в ширину.

Несколько свечей и фонарей освещали эту громадину в местах, широко разнесённых по всему туннелю. Вдоль стен тянулись всевозможные трубы, вплотную встроенные в камень, без заметных надписей. Рядом со стенами виднелись различные самодельные сооружения. Лачуги, построенные из подручных материалов, в основном из тех, что можно было раздобыть на улицах Манхэттена. Деревянные поддоны, картон, гофрированная сталь, виниловый сайдинг. Казалось, если что-то и можно было найти на улице, то оно точно использовалось здесь. Маленькие ветхие домики обеспечивали степень уединения уровня "лучше, чем ничего".

Питер сразу заметил одну выделяющуюся лачугу, которая состояла в основном из простыней, накинутых на деревянный каркас, и дверь в викторианском стиле с красиво украшенными стеклянными вставками. Совсем рядом с ней была другая хижина, теперь уже из гипсокартона, дверной проем которой был закрыт простой занавеской из бисера. И таких странных домиков было не счесть.

Помимо очевидного землистого запаха, Питер также уловил сильный запах тел и более тонкий оттенок накопившейся гнили и мусора. По округе гулял лёгкий ветерок. Все свечи мерцали в одном направлении, указывая на высокую вероятность того, что в туннеле присутствовала какая-то вентиляция, не дающая воздуху застаиваться.

Питер точно бы уверен, что он находится где-то "внизу". От всей конструкции исходила атмосфера гнетущей тяжести, не похожая на атмосферу обычного здания. Они явно были зарыты в землю.

Он не расслабился, даже полностью оглядевшись.

"Где мы?" - Спросил Питер резким голосом.

Калибан улыбнулся, стянул с себя шапочку и размотал шарф, обнажив полностью лысую и бледную голову. "Аллея", - сказал Калибан, - "Все ещё Манхэттен".

Питер огляделся и сказал тихим, благоговейным голосом: "Никогда не думал, что в Манхэттене есть что-то подобное."

Он снова напрягся, чувствуя давящее ощущение того, что он добыча, и, оглянувшись, увидел приближающуюся женщину. Скорее всего, он не заметил, как она вышла из какой-то лачуги.

Питер мог с уверенностью сказать, что когда-то она была настоящей красавицей. Черты её лица были тонкими, фигура стройной, двигалась она с хищной грацией, но эта красота осталась в давно забытом прошлом. Волосы её были растрепаны и коротко подстрижены, вероятно ножом. Под левым глазом у неё был шрам, проходивший от брови до щеки и, казалось, горевший с яростной силой. Правый глаз был закрыт повязкой. Загорелая и шершавая кожа свидетельствовала о нелёгкой жизни.

На ней была майка, изношенная практически в клочья, что выглядело не так плохо, учитывая приличный кожаный жилет, который она носила поверх неё. Её руки были покрыты тонкой сетью шрамов. Она явно повидала много сражений. На ней были джинсы с низкой посадкой, заправленные в тяжёлые кожаные рабочие ботинки. В качестве аксессуаров на ней были пара кожаных браслетов с заклёпками и что-то похожее на собачий ошейник с шипами. Вокруг талии была обмотана металлическая цепочка... Поводок к её собачьему ошейнику?

Всё в ней излучало угрозу и силу. Месяц назад Питер перешёл бы на другую сторону улицы, лишь бы не столкнуться с ней.

Но теперь? Он был не слишком впечатлён.

Её голос был грубым, но подходил ей. Голос, созданный для того, чтобы отдавать гневные команды и издавать яростные боевые кличи.

"Манхэттен построен на Манхэттене", - сказала женщина. "Части города, которые были раскопаны, но позже забыты. Аллея - это бункер времён холодной войны, который изначально предназначался как убежище для элиты и влиятельных людей Нью-Йорка. Он соединён с ливневой канализацией и подземными переходами потайными ходами во всех четырёх боро, немытые массы сюда бы не попали, не зная они секретного рукопожатия."

Прим. пер.: Нью-Йорк включает пять административных округов (районов, боро): Бронкс, Бруклин, Куинс, Манхэттен и Статен-Айленд. Почему их пять, а в фанфике четыре? Я не знаю. Можно также на 4 условные части поделить сам Манхэттен, но они боро не называются.

Питер вежливо кивнул: "О таких вещах явно должно знать больше людей."

Она просто пожала плечами: "Публичные записи иногда теряются. Люди многое забывают... или их можно заставить забыть. Мы единственные, кто знает об этом месте. И большинство из нас знает только один или два входа. Никто ещё не нанёс на карту все тоннели, но если ты знаешь куда идти, то можно обойти весь Нью-Йорк и ни разу не увидеть света солнца".

Она одарила Питера улыбкой. Дикой. Опасной. Чувство добычи казалось только усилилось.

"Я Каллисто. Предводительница тех, кто живёт внизу."

"Мы - Морлоки!" - гордо заявил Калибан, и Питер заметил, как в единственном глазе Каллисто промелькнуло многострадальное выражение.

"Так некоторые из нас решили себя называть, да", - ответила Каллисто.

"Каннибалы из романа Герберта Уэллса "Машина времени", что жили под землёй", - вспомнил Питер.

"Имя есть имя", - Каллисто снова пожала плечами. Нарочито безразлично. Она посмотрела на Калибана: "Вышибала сказал мне, что ты звонил и кого-то приведёшь, вот я и пришла проверить."

"Да! Калибан нашёл кого-то ещё, похожего на нас! Он - один из нас!" - Ответил Калибан, оживлённо указывая на Питера.

Каллисто задумчиво прищурила единственный глаз: "Один из нас?"

Питер поднял руки в примирительном жесте: "Он сказал, что знает хорошее, тёплое местечко с друзьями. Я больше ничего не знал, когда решил последовать за ним."

В голосе Каллисто звучала убежденность: "Мы беглецы, изгои - люди, у которых нет дома, и некому о нас позаботиться. Нас ненавидят и преследуют из-за сил, которых мы не хотели, которых не понимаем. Изуродованные, презираемые, покинутые. Ты на личном примере должен знать, каково нам. Если Калибан нашёл тебя, значит, ты такой же, как и мы."

"Предлагаете мне здесь жить?" - Скептически спросил Питер.

"Есть небольшой испытательный срок. Посмотрим, вступишь ли ты в нашу компанию", - ответила Каллисто, и её тон снова стал подчёркнуто безразличным.

"А если не впишусь?" - допытывался он.

Улыбка Каллисто снова стала дикой: "Тогда ты вернёшься туда, откуда пришёл. А жизнь продолжится."

Калибан махнул рукой в сторону Каллисто: "Нет, нет. Не нужды так себя вести. Он прекрасно впишется! Калибан думает, что у него всё получится."

Каллисто взглянула на Питера, затем на Калибана: "Посмотрим. Найди ему место для ночлега и покажи окрестности утром. Уже поздно, и некоторым из нас нужно спать."

"Конечно, Каллисто! Калибан ему всё покажет... Эм..." - Он беспомощно посмотрел на Питера - "Как бы ты хотел, чтобы тебя называли?"

Питер удивлённо моргнул, застигнутый врасплох, не зная, что и ответить. Он чуть не выпалил своё настоящее имя, но вовремя спохватился и взглянул сначала на Калибана, потом на Каллисто. Ему не было нужды называть своё настоящее имя, учитывая, что их имена явно были взяты из литературы.

Каллисто - имя женщины из греческой мифологии, которая была превращена Зевсом в медведицу.

Калибан - бесформенное существо из пьесы Шекспира "Буря".

Морлоки.

Питер ломал голову в поисках какой-нибудь литературной отсылки, с помощью которой он мог бы представиться. Первой мыслью, которая пришла ему в голову, была книга, которую он полюбил ещё в детстве. Его засмеют, если он представится как "Бэмби". "Старый Брехун"

тоже был исключён из списка потенциальных имён.

Прим пер.: Книга "Старый Брехун" была написана в 1956 году Фредериком Бенджаминном Джипсоном. Книга названа так в честь главного героя – вислоухого пронырливого пса.

Он глубоко вздохнул.

"Не такой уж и сложный вопрос" - в тоне Каллисто явственно слышалось веселье.

Его это раздражало, но ему необходимо было вписаться в их компанию. На улицах было одиноко. Он не любил общаться с людьми, но только потому, что большинство людей те ещё отбросы. Он никогда не встречал людей, похожих на него, с которыми он мог бы найти общий язык.

Когда он убежал из дома, он и представить себе не мог, что его будет терзать одиночество. Скука. Изоляция.

Он хотел быть одним из них. Он мысленно усмехнулся. Он мало о них знал, но уже хотел поладить со всеми. Стать одним из них.

Все за одного. Один за всех... хм.

Он моргнул, осознав, что это будет хорошим именем и будет достаточно литературным для данного места.

"Дюма", - наконец, заявил Питер.

"Дюрма?" - Спросил Калибан, неправильно произнося его новое имя.

Прим. пер.: Непереводимая игра слов: Dumas (Дюма) / Dumb ass (тупица)

Питер поморщился, а Каллисто рассмеялась.

"Дюма", - Каллисто поприветствовала его с некоторой долей официальности, - "Добро пожаловать на Аллею."

<http://tl.rulate.ru/book/83320/2663844>